УДК 94(100) «1914/19»+ 930.85
DOI: 10.51255/2311-603X_2021_2_225

Н. В. Юдин

Мобилизация культуры или культура мобилизации?

Рецензия на сборник статей «Культуры патриотизма в период Первой мировой войны» / Под ред. К. А. Тарасова. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020

Хорошее крупное научное исследование, тем более посвященное такой сложной во всех смыслах теме, как мировая война, должно вызреть и настояться. Прекрасным примером этому может служить рассматриваемая книга, которая представляет собой сборник статей, подготовленных на основе конференции, прошедшей еще в 2014 г. и приуроченной к столетней годовщине начала Первой мировой войны. Несмотря на то что от этой конференции выход книги отделяет более шести лет, представленные в ней работы ничуть не потеряли в своей научной ценности. Наоборот, как представляется, данная книга приобрела еще одно достоинство, сразу превратившись в своеобразный историографический феномен. И именно на этом последнем обстоятельстве хотелось бы сделать особый акцент в рамках данной рецензии.

Сразу оговоримся, что речь пойдет скорее об общем впечатлении, размышлениях, которые провоцирует рассматриваемый сборник статей, нежели о подробной рецензии, в которой были бы последовательно прокомментированы все представленные материалы. С одной стороны, это обернулось бы неизбежным

и совершенно не нужным повторением емкого предисловия, подготовленного Б. И. Колоницким, к которому мы и переадресуем заинтересованного читателя, тем более что там содержится ряд ценных теоретических указаний, позволяющих лучше понять общую концепцию и авторский замысел этого коллективного труда. С другой стороны, рассмотрение этого сборника как некого единого и законченного произведения позволяет подсветить и раскрыть некоторые дополнительные сюжеты и темы, которые иначе остаются в тени; исправить некоторые несоответствия между заявленными целями и конечным результатом; прийти к более широким выводам и обобщениям.

Отдавая дань требованиям жанра научной рецензии, скажем лишь, что с точки зрения структуры книга разбита на шесть тематических разделов, которые охватывают по-настоящему широкий спектр исследовательских проблем: от уже хорошо изученных (статьи, посвященные общественным настроениям в рассматриваемый период в США (Д. Д. Кин)[1], Франции (П. Пёрсегль)[2], Бельгии (С. де Схапдрейвер)[3], Италии (С. Райхардт)[4] и Российской империи (Е. Ю. Сергеев[5], М. Н. Лукьянов[6])) до несколько обделенных вниманием российских и западных историков (настроения в Австро-Венгрии (М. Корнуолл)[7] и Османской империи (К. Филлиу)[8]). Представлены разнообразные исследовательские призмы, от обращения к индивидуальной (Д. Бьёрк[9], И. Банац[10]), городской (Т. Уикс)[11] и локальной памяти (А. Заярнюк[12] и уже упоминавшийся П. Пёрсегль) до гендерных подходов (К. Хеммерле[13]).

При таком разнообразии страновых кейсов, сюжетов и теоретико-методологических установок, выбранных авторами, перед составителями сборника стояла по-настоящему нетривиальная задача: как же все-таки объединить все эти, повторимся, крайне разношерстные материалы под одной обложкой, чтобы получившаяся книга производила впечатление не разрозненного калейдоскопа мнений, а мозаики, где каждый сегмент уникален, но при этом дополняет общую картину.

Отчасти эту задачу решает развернутая вводная статья Х. Стрэчена «Культуры патриотизма в Европе времен Первой мировой войны»[14], в которой представлен общий обзор современных тенденций в области исследований общественных настроений в годы Первой мировой войны, а также проблем теоретического и источниковедческого свойства, которые встают перед историками, которые обращаются к изучению такого сложного и трудноуловимого феномена, как патриотизм населения затронутых войной стран. Ключом к решению этих проблем и одновременно теоретической рамкой, позволяющей как придать концептуальное единство представленным в сборнике материалам, так и показать их органическую связь с современной политической конъюнктурой, становится образ «культур патриотизма».

Этот образ, вынесенный на первый план и в названии всего сборника статей, представляется исключительно важным как для понимания непосредственного содержания представленных в нем статей, так и, что особенно важно, для по-

нимания его как особого историографического феномена. Именно вокруг этого образа и будут выстроены все дальнейшие рассуждения.

Прежде всего обращение к образу «культур патриотизма» действительно является очень удачным ходом, позволяющим разом снять много вопросов к содержанию и внутренней логике сборника, связанных с отмеченным разнообразием объектов исследований и авторских подходов к их рассмотрению.

В то же время этот образ сразу подчеркивает соответствие сборника последним тенденциям интеллектуальной моды в исследованиях Первой мировой войны. На протяжении уже нескольких десятилетий именно изучение общественных настроений в воюющих странах, особенностей реакции их населения на невиданные испытания, порожденные индустриальной войной, является едва ли не самым динамичным направлением в историографии данного конфликта. В этом отношении рассматриваемый сборник является крайне показательным, типическим выражением этих тенденций и уже поэтому имеет не только чисто научное (в плане изучения истории Первой мировой войны), но и историографическое значение.

Дань современной интеллектуальной моде проявляется не только в самом факте обращения к проблематике общественных настроений, но и в выборе общеметодологических подходов к их изучению. Здесь обращает на себя внимание последовательное использование слова «культура» во множественном числе. Образ «культур патриотизма» при этом призван показать не только и не столько разницу в общественных реакциях на события Первой мировой войны в различных странах, сколько подчеркнуть сложность и неоднозначность настроений в рамках одного и того же общества, наличие в нем разнообразных, подчас разнонаправленных и взаимоисключающих коллективных идентичностей. Эти идеи являются лейтмотивом большинства статей в рассматриваемом сборнике.

Сама по себе идея, что патриотизм является сложным, неоднозначным, подчас парадоксальным феноменом, что общественные настроения в странах и регионах, охваченных войной, не подлежат простому и грубому обобщению («все поголовно были охвачены патриотическим подъемом»), безусловно, верна и не может вызывать никаких нареканий. Другое дело особенности ее интерпретации в современной историографии, примером чему как раз и могут служить представленные в этом сборнике статьи.

Во-первых, следует отметить, что эта идея отнюдь не нова. Более того, она является доминирующей в исследованиях общественных настроений периода Первой мировой войны на протяжении уже нескольких десятилетий. Достаточно вспомнить фундаментальное исследование Ж.-Ж. Беккера[15] 1977 г., без ссылок на которое не обходится практически ни одна монография, посвященная проблеме реакции современников на события Первой мировой войны. И тем не менее, многие современные работы на эту тему по-прежнему проникнуты пафосом борьбы, ниспровержения неких «устоявшихся стереотипов», «мифов

о "духе 1914 года"»[16] и т. п. Похожие настроения заметны и во многих статьях в этом сборнике[17]. Сейчас, когда указанные взгляды носят скорее маргинальный характер, являясь либо реликтом некритического прочтения источников личного происхождения в самых первых исследованиях Первой мировой войны, либо отражением анахронических попыток конструирования новых политических мифов на основе обращения к памяти об этом конфликте в рамках официальных юбилейных мероприятий, подобный пафос выглядит несколько искусственно, а педалирование идеи о неоднозначности общественных реакций на начало войны само превращается в трюизм.

Во-вторых, обращает на себя внимание то, каким целям служит это акцентирование разнообразия «культур патриотизма» в современных исследованиях общественных настроений периода Первой мировой войны вообще, и в представленных в рассматриваемом сборнике статьях в частности. Отмеченное акцентирование сложности психологических реакций современников на события Первой мировой войны не выглядело бы настолько назойливым, если бы оно выступало лишь как стартовое положение для последующих рассуждений, как предостережение от излишне редукционистских оценок, призванное стать основой для выхода на новые обобщения и объяснения. Однако во многих современных, прежде всего западных исследованиях, и в этом отношении рецензируемый сборник опять-таки может рассматриваться как показательный пример, это положение становится едва ли не главным содержательным выводом, итогом авторских рассуждений. Из предостережения от излишнего упрощения это положение превращается в своеобразный внесудебный приговор всяким попыткам выйти на более широкие обобщения, систематизировать разнообразные настроения и реакции, выявить в них некие исторические закономерности.

В этом отношении ярким исключением на общем фоне представляется статья П. Пёрсегля «Границы патриотизма. География и этика мобилизации во Франции в период Первой мировой войны», которая является не только очень интересным примером исследования локальной и городской истории, но и попыткой как раз выйти за рамки простой констатации сложности и противоречивости «культур патриотизма». Автор не только вписывает свою статью в контекст активной дискуссии в западной историографии относительно природы и характера патриотического подъема в воюющих странах в 1914 г., но и предлагает подняться над присущей этой дискуссии жесткой дихотомией «патриотические настроения как выражение общественного консенсуса *vs* культура патриотизма как результат государственного принуждения и диктата»[18]. В частности, П. Пёрсегль рисует сложную, диалектическую картину отношений универсалистского проекта патриотизма, насаждавшегося властями Третьей республики с опорой на идеи национализма, и местного, локального патриотизма. В рамках этого динамичного взаимодействия неизбежно возникавшие трения и конфликты рассматриваются не как свидетельство провала попыток создания гомогенной нации, а как механизм диалога и сопряжения интересов

центральной и местной власти, который во многом предопределил стойкость населения Франции в годы войны.

Конечно, эти замечания могут быть излишне критическими, если учесть жанр рассматриваемого труда, подготовленного по итогам конференции — вполне вероятно, авторы и не ставили (и вовсе не обязаны были ставить) перед собой цель выйти на какие-то широкие обобщения. Однако именно специфика жанра, с одной стороны (речь идет о сборнике из 14 полноценных статей, который уже в силу этого представляет собой своеобразный и достаточно показательный срез мнений, характерных для современной историографии проблемы), и приведенный пример статьи П. Пёрсегля — с другой, все же позволяет оставить эти замечания в силе и предположить, что отмеченный отказ от обобщений является не случайным.

В этой связи можно высказать предположение, что речь опять-таки идет об отражении на страницах сборника определенной интеллектуальной моды, в данном случае обусловленной веяниями постмодернистской философии с ее органическим неприятием системного подхода, теоретизирования и генерализаций, и, напротив, подчеркнутым вниманием к индивидуальному опыту, а также опыту маргинализированных и виктимизированных социальных групп, которые ранее находились на периферии исследований общественных настроений в годы Первой мировой войны.

Совершенно справедливое и оправданное само по себе обращение к объективно недостаточно изученному опыту женщин в условиях индустриальной войны (К. Хеммерле), рассмотрение политических и идейно-ценностных дилемм, с которыми сталкивались тогда же польскоязычные германские подданные или галицкие украинцы (Д. Бёрк и А. Заярнюк), хорватские военнопленные (И. Банац) или горожане Вильнюса (Т. Уикс), не сопровождаемое последовательным вписыванием их в более широкий исторический или культурный контекст (об этом далее), ведет, однако, не к созданию более сложной, нюансированной картины общественных настроений, а скорее производит впечатление некой «игры в бисер», комбинации разрозненных, никак не связанных нарративов. Иными словами, каждая из статей, будучи сама по себе выполненной на высоком профессиональном уровне, взятая как элемент более крупного произведения, не столько способствует формированию более полного понимания рассматриваемых событий и процессов, сколько отражает нарастающую фрагментированность исследований Первой мировой войны. Это впечатление, к слову, только усиливается по причине практически полного отсутствия в книге сравнительных исследований; отсутствия тем более странного, что во вводной статье к сборнику Х. Стрэчен специально подчеркивает необходимость именно компаративных исследований общественных настроений[19].

Этот компаративистский ракурс возникает, по сути, только при прочтении всех статей сборника, т. е. в каком-то смысле его выявление отдается на откуп

читателю. При этом такое последовательное прочтение всех представленных материалов действительно позволяет выявить интересные тенденции, которые иначе остались бы, скорее всего, незамеченными. Во-первых, обращает на себя внимание такая общая черта культур патриотизма периода Первой мировой войны, как их устремленность в будущее, надежда на то, что война непременно должна повлечь за собой перемены к лучшему, обновление и оздоровление общества. Многие авторы сборника констатируют эти настроения в самых разных слоях общества. Удивительным образом острое недовольство существующим положением вещей и вера в то, что война сможет радикально изменить его в лучшую сторону, были присущи и право-консервативным кругам, и сторонникам демократических преобразований, и носителям универсалистско-имперских идентичностей, и представителям самых разнообразных движений за национальное самоопределение как в глубоко модерных государствах, так и в странах, вовсю охваченных процессами модернизации[20]. Тот факт, что, с одной стороны, образ этого желаемого будущего очень сильно разнился от страны к стране и от класса к классу, но, с другой, был важным элементом системы коллективных ценностей как в имперских, так и в демократических обществах, может дать новый ракурс для их сравнения и заслуживает, как представляется, дополнительного изучения.

Во-вторых, рассмотрение статей сборника не по отдельности, а в их совокупности позволяет выявить еще одну тенденцию, которую, не всегда артикулированно и, наверное, не всегда осознанно, фиксируют многие авторы: социально-обусловленный, классовый характер культур патриотизма в воюющих обществах. Действительно, по прочтении статей складывается ощущение, что основные отличия в культурах патриотизма в годы Первой мировой войны зачастую проходили не столько по линиям фронтов и не по осям политической системы координат, а по линиям социального и имущественного расслоения внутри воюющих обществ[21]. Условно, у проникнутых духом «своего» национализма или «своего» универсализма интеллектуальных и политических элит враждебных государств было гораздо больше общего между собой, чем у них и масс городского и особенно сельского населения их собственных стран. Дискурсы защиты «нации», «империи», «культуры», характерные для элитных слоев, при всей полярности их зарядов, отличались фундаментальным мировоззренческим единством, принадлежали к одной системе ценностей модерной эпохи. Разительным контрастом на этом фоне выглядят даже те редкие упоминания настроений рабочих и крестьян, которые периодически встречаются в рассматриваемом сборнике. Этих обрывочных свидетельств достаточно, чтобы отметить наличие своеобразного мировоззренческого разлома между интеллектуальными и политическими элитами и основной массой населения даже в передовых странах, поглощенного заботами о выживании в условиях лишений военного времени и остававшегося во многом равнодушным к национальной агитации, к пропаганде высоких идей гражданского служения и т. п.

Это последнее наблюдение, возможно, несет в себе некоторый элемент додумывания, поскольку, повторимся, основывается лишь на эпизодических и достаточно лаконичных комментариях авторов на эту тему и представляет собой не столько обобщение конкретных тезисов, сколько размышления на тему, вдохновленные прочтением сборника целиком. Поэтому его лучше рассматривать не как элемент критики, а как обозначение еще одного перспективного направления исследований, к которому подталкивает знакомство со сборником.

В качестве критических замечаний в этой связи следует отметить несколько иные моменты. О настроениях широких слоев населения и проблемах, связанных с их изучением, относительно развернуто пишут лишь несколько авторов (см., например, Х. Стрэчен, М. Корнуолл, А. Заярнюк), при этом в их статьях заметна определенная парадоксальность в подходах к работе с источниками. При использовании различных массовых источников (например, материалов ведомств, занимавшихся цензурой, или данных о результатах кампаний военных займов), позволяющих, в теории, пролить свет на настроения солдат и простых обывателей, авторы подробно описывают достоинства и недостатки содержащейся в них информации, критически оценивают их репрезентативность и полноту[22]. Однако когда эти же авторы, а на самом деле все авторы этого сборника, обращаются к источникам личного происхождения и материалам СМИ (откровенной пропаганде), этот элемент источниковедческой критики практически полностью пропадает.

Исторические свидетельства, описывающие индивидуальные переживания и частный опыт отдельных людей, зачастую преподносятся как примеры, иллюстрирующие некие масштабные тенденции, архетипические реакции и коллективные стереотипы. Так, уже неоднократно упоминавшийся Х. Стрэчен, рассуждая об особенностях мировоззрения подданных империй, приводит в качестве примера биографии нескольких отдельных солдат[23]. Интересные сами по себе, их жизненные истории никак не могут рассматриваться в данном случае как сколько-нибудь репрезентативный пример, доказательство, подтверждающее авторские рассуждения, — они просто не годятся по масштабу. Эта диспропорция между характером используемых источников и масштабом выводов, к которым на их основе приходят авторы, особенно ярко проявляется в статье И. Банаца.

Речь, естественно, не идет об обесценивании тех источников, которые привлекают авторы, — ввод в научный оборот и новых типов источников (военные захоронения), и обойденных до того вниманием мемуаров и дневников — исключительно важно для углубления наших знаний о Первой мировой войне. Вопрос лишь в сопоставимости и сообразности их свидетельств масштабу решаемых проблем.

При прочтении текста также постоянно возникает ощущение, что авторы часто сводят культуры патриотизма периода Первой мировой войны к публично заявленным в средствах массовой информации темам и сюжетам, как

будто последние в условиях военного времени являются не плодом пропагандистских усилий правительств и отдельных журналистов, а вполне надежным или, как минимум, показательным отражением общественных настроений[24]. Соответственно, успех или провал тех или иных пропагандистских кампаний часто трактуется как прямое отражение динамики общественных настроений, а образы пропаганды — как прямое отражение соответствующих культур патриотизма[25].

Еще одним примером, как представляется, излишне прямолинейного и некритического восприятия материалов СМИ как источника для изучения общественных настроений является статья А. Заярнюка, в которой автор утверждает, что стихотворения солдат и «сельских активистов», опубликованные в газете «Свобода», якобы отражают настроения крестьян Галиции[26]. Некоторое знакомство с пропагандой периода Первой мировой войны заставляет всерьез усомниться в том, что подлинными авторами этих стихотворений (еще и представленных, судя по всему, в немалом количестве) были именно солдаты и крестьяне, а не сами сотрудники этой газеты или, в лучшем случае, не активные участники национально-освободительного движения из числа интеллигенции, о взглядах которых автор писал в первой части своей статьи. Сомнения эти еще больше усугубляются при знакомстве с содержанием писем обычных крестьян Галичины, которые автор разбирает в третьей части своего исследования и которые разительно контрастируют по своему содержанию с теми же газетными публикациями. Этот контраст отмечает и сам А. Заярнюк[27]. Возможно, более развернутый источниковедческий (лингвистический?) анализ публикаций «Свободы» позволил бы развеять эти сомнения и подтвердил бы обоснованность использования цитируемых стихотворений для иллюстрации настроений широких слоев населения Галиции, но пока оно выглядит несколько искусственным.

На самом деле все эти замечания касательно методологии работы с источниками возвращают нас снова к образу «культур патриотизма», причем теперь обращение к этому образу уже начинает в каком-то смысле играть против авторов, заставляя обратить внимание на ряд общих концептуальных нестыковок и парадоксов в их рассуждениях.

И прежде всего вопросы возникают к слову «культура», вынесенному на первый план в названии сборника. Да, это слово действительно позволяет, как было отмечено выше, снять целый ряд вопросов к тексту книги. Однако оно в то же время, при всей широте своего содержания, а возможно, и именно в силу этого, накладывает на авторов и достаточно строгие обязательства в отношении широты и комплексности их исследования. И здесь бросается в глаза, наверное, главный диссонанс, возникающий при прочтении данного сборника статей.

Вопреки объективному разнообразию страновых кейсов и авторских подходов, а также вопреки неоднократным подчеркиваниям по тексту книги, что

патриотизм — явление очень сложное, неоднозначное, многогранное и т. д.[28], в действительности все представленные статьи отличает достаточно узкий исследовательский фокус.

В центре внимания находятся прежде всего публичные патриотические нарративы, представленные в средствах массовой информации, и свидетельства современников, дошедшие в форме воспоминаний и дневников. И те, и другие, при всей их важности, могут служить релевантным источником для изучения настроений, мировоззрения, ценностных установок лишь абсолютного меньшинства населения воюющих стран. Меньшинства образованного, наиболее проникнутого «духом времени» и патриотическими дискурсами, меньшинства, безусловно, влиятельного, но все равно меньшинства. Даже в тех случаях, когда авторы обращаются к изучению массовых проявлений патриотизма, вовлечению широких слоев и групп населения[29], например женщин, в благотворительную и иную деятельность, призванную внести свою лепту в военные усилия страны, их интерпретация снова сводится к публичным дискурсам интеллектуального меньшинства[30].

В итоге кажущееся разнообразие кейсов, тем и сюжетов сводится, в сущности, к крайне ограниченному, элитистскому ракурсу: культура приравнивается к пропаганде и интеллигентским переживаниям; содержание патриотизма — к пропагандистским нарративам.

Этот итог нельзя однозначно записать в упрек авторам. К нему объективно располагает характер основных групп источников, дошедших до нас от Первой мировой войны и традиционно используемых в исторических исследованиях. Действительно, наиболее полно, ярко и последовательно события и атмосфера тех дней описаны в материалах СМИ, дневниках и мемуарах, выходивших из-под пера представителей образованных слоев населения. Действительно, многие источники, позволяющие так или иначе оценить настроения широких слоев населения: отчеты цензурных ведомств, перлюстрация фронтовых писем, доклады полицейских чинов, данные о благотворительных сборах и пожертвованиях и т. д. — открывают простор для самых разных интерпретаций.

И все же слово «культура» при всей своей широте является достаточно обязывающим. Его использование в таком ограниченно-элитистском духе, как описано выше, смотрелось бы, наверное, органично, если бы речь шла о событиях, например, наполеоновских войн. Но в условиях начала XX в., когда философы уже «завтра» (по историческим меркам) провозгласят «восстание масс», а Первая мировая война уже «сегодня» становится наглядным воплощением этого вторжения масс на первый план исторических процессов, этот подход кажется анахронизмом. В этом контексте, возможно, более уместно было бы назвать сборник не «Культуры патриотизма в период Первой мировой войны», а «Культуры пропаганды» или «Культуры мобилизации».

И снова подчеркнем, что эти замечания нельзя однозначно записать в упрек авторам сборника. Точнее — только и непосредственно им. Здесь мы снова

возвращаемся к тезису, обозначенному в начале этой рецензии, — данный сборник статей следует рассматривать не только как собственно научный труд, но и как историографический феномен. В данном случае, как представляется, авторы сборника выступают как выразители общих тенденций, присущих исследованиям общественных настроений в период Первой мировой войны в целом. К этим тенденциям можно отнести чрезмерную сосредоточенность на дискурсах и нарративах; концентрацию на все более точечных, частных сюжетах и проблемах; возведение последних в статус самодостаточных и уникальных кейсов, прекрасных в своей неповторимости и не поддающихся генерализации, как следствие — недостаток компаративных исследований и широких теоретических обобщений.

Еще один интересный сюжет, промелькнувший на страницах сборника, но, к сожалению, не получивший подробного освещения, — социальная обусловленность современных исторических исследований Первой мировой войны, их увязка с современной политической конъюнктурой[31]. Общим местом для исследований общественных настроений в годы Первой мировой войны стал тезис об ангажированности (сознательной или неосознанной) ранних трудов по этой теме, особенно написанных по горячим следам, который, справедливый сам по себе, почему-то не ведет к постановке вопроса об ангажированности современных работ. А было бы интересно порассуждать, в какой мере отмеченные выше тенденции являются результатом самостоятельного развития научного знания о феномене Первой мировой войны, а в какой — результатом влияния интеллектуальной моды и стремлением (осознанным или нет) к обслуживанию новых, современных политических мифов.

Но, и здесь мы подходим к главному, это замечание, равно как и большинство высказанных ранее, является на самом деле не столько критикой, сколько заметками на полях, размышлениями, вдохновленными прочтением этого коллективного труда. Как труд, вызывающий вопросы, побуждающий к дискуссии, книга, безусловно, удалась. Удалась она и как сборник статей, представляющих каждая в отдельности значительный научный интерес. Но главное, на что хотелось бы снова обратить внимание, ее значение выходит за рамки просто очередного сборника к юбилею — эту книгу можно воспринимать как важный историографический феномен. Она подводит своеобразную черту, суммируя ключевые черты, отличающие развитие исследований общественных настроений в годы Первой мировой войны на протяжении нескольких последних десятилетий. Возможно, пришла пора двинуться дальше?

[1] *Кин Д. Д.* Культура патриотизма в Соединенных Штатах времен Первой мировой войны // Культуры патриотизма в период Первой мировой войны: сборник статей / Под ред.

К. А. Тарасова; сост. и предисл. Б. И. Колоницкого. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 255–287.

[2] *Пёрсегль П.* Границы патриотизма. География и этика мобилизации во Франции в период Первой мировой войны // Там же. С. 226–254.

[3] *Схапдрейвер С. де.* Молодым здесь не место: патриотизм и его парадоксы в оккупированной немцами Бельгии в 1914–1918 гг. // Там же. С. 161–183.

[4] *Райхардт С.* Национализм, Первая мировая война и возникновение фашизма в Италии // Там же. С. 288–298.

[5] *Сергеев Е. Ю.* Имперский патриотизм и кампания борьбы с «немецким засильем» в России 1914–1917 гг. // Там же. С. 39–51.

[6] *Лукьянов М. Н.* Германофилия, германофобия и патриотизм: метаморфозы российских консерваторов, июль 1914 г. — февраль 1917 г. // Там же. С. 52–68.

[7] *Корнуолл М.* Гражданский патриотизм и боевой дух в Австро-Венгрии военного времени: методы оценки // Там же. С. 69–92.

[8] *Филлиу К.* Либерализм и путь к государственной измене в Османской империи, 1908–1923 гг. // Там же. С. 299–315.

[9] *Бьёрк Д.* В поисках патриотизма среди польскоязычных германских подданных, 1914–1918 гг. // Там же. С. 116–139.

[10] *Банац И.* От Прерово до Адриатики: национальный вопрос в условиях военного плена // Там же. С. 184–203.

[11] *Уикс Т.* Соревнующиеся патриотизмы: Вильнюс между поляками, евреями, русскими и литовцами, 1914–1922 гг. // Там же. С. 140–160.

[12] *Заярнюк А.* Национальное освобождение и гражданство в империи: галицкие украинцы в Первой мировой войне // Там же. С. 204–225.

[13] *Хеммерле К.* Служба Великому дому: женский патриотизм военного времени в Австрии // Там же. С. 93–115.

[14] *Стрэчен Х.* Культуры патриотизма в Европе времен Первой мировой войны // Там же. С. 12–38.

[15] *Becker J.-J.* 1914: comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977.

[16] *Verhey J.* The Spirit of 1914: Militarism, Myth and Mobilization in Germany. New York, 2000; *Pennell C.* A Kingdom United. Popular Responses to the Outbreak of the First World War in Britain and Ireland. Oxford, 2012.

[17] *Корнуолл М.* Гражданский патриотизм и боевой дух в Австро-Венгрии военного времени. С. 71, 76–77; *Бьёрк Д.* В поисках патриотизма среди польскоязычных германских подданных, 1914–1918 гг. С. 119; *Райхардт С.* Национализм, Первая мировая война и возникновение фашизма в Италии. С. 293.

[18] *Пёрсегль П.* Границы патриотизма. С. 227–228.

[19] *Стрэчен Х.* Культуры патриотизма в Европе времен Первой мировой войны. С. 12.

[20] См. например: *Лукьянов М.Н.* Германофилия, германофобия и патриотизм: метаморфозы российских консерваторов, июль 1914 г. — февраль 1917 г. С. 66–68; *Корнуолл М.* Гражданский патриотизм и боевой дух в Австро-Венгрии военного времени. С. 72–73; *Хеммерле К.* Служба Великому дому: женский патриотизм военного времени в Австрии. С. 112; *Схапрейвер С. де.* Молодым здесь не место: патриотизм и его парадоксы в оккупированной немцами Бельгии в 1914–1918 гг. С. 173–174; *Кин Д. Д.* Культура патриотизма в Соединенных Штатах времен Первой мировой войны. С. 258, 265–269; *Райхардт С.* Национализм, Первая мировая война и возникновение фашизма в Италии. С. 291.

[21] См., например: *Хеммерле К.* Служба Великому дому: женский патриотизм военного времени в Австрии. С. 95, 103, 110, 119; *Схапрейвер С. де.* Молодым здесь не место. С. 171, 174–176; *Заярнюк А.* Национальное освобождение и гражданство в империи. С. 205, 219–225.

[22] *Стрэчен Х.* Культуры патриотизма в Европе времен Первой мировой войны. С. 15–18; *Корнуолл М.* Гражданский патриотизм и боевой дух в Австро-Венгрии военного времени. С. 74–89.

[23] *Стрэчен Х.* Культуры патриотизма в Европе времен Первой мировой войны. С. 20–21, 23.
[24] Там же. С. 22–23, 30; *Кин Д. Д.* Культура патриотизма в Соединенных Штатах времен Первой мировой войны. С. 255–258.
[25] *Корнуолл М.* Гражданский патриотизм и боевой дух в Австро-Венгрии военного времени. С. 92.
[26] *Заярнюк А.* Национальное освобождение и гражданство в империи. С. 212.
[27] Там же. С. 225.
[28] *Стрэчен Х.* Культуры патриотизма в Европе времен Первой мировой войны. С. 19; *Корнуолл М.* Гражданский патриотизм и боевой дух в Австро-Венгрии военного времени. С. 70, 89–92; *Пёрсегль П.* Границы патриотизма. С. 229, 253–254.
[29] *Корнуолл М.* Гражданский патриотизм и боевой дух в Австро-Венгрии военного времени. С. 71–77.
[30] *Хеммерле К.* Служба Великому дому: женский патриотизм военного времени в Австрии. С. 108–111.
[31] *Стрэчен Х.* Культуры патриотизма в Европе времен Первой мировой войны. С. 36–38.

References

BANATS I. *Ot Prerovo do Adriatiki: natsional'nyi vopros v usloviyakh voennogo plena* [From Prerovo to Adriatic: National issue and military captivity] // Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny: sbornik statei / Pod red. K. A. Tarasova [Patriotic cultures during the First World War, ed. by K. A. Tarasov. In Russ.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 184–203.

BECKER J.-J. *1914: comment les Français sont entrés dans la guerre*. Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1977.

B'ERK D. *V poiskakh patriotizma sredi pol'skoyazychnykh germanskikh poddannykh, 1914–1918 gg.* [Patriotism among Polish-speaking German subjects, 1914–1918] // Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny: sbornik statei / pod. red. K. A. Tarasova [Patriotic cultures during the First World War, ed. by K. A. Tarasov. In Russ.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 116–139.

FILLIU K. *Liberalizm i put' k gosudarstvennoi izmene v Osmanskoi imperii, 1908–1923 gg.* [Liberalism and a path towards treason in the Ottoman empire, 1908–1923] // Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny: sbornik statei / Pod red. K. A. Tarasova [Patriotic cultures during the First World War, ed. by K. A. Tarasov. In Russ.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 299–315.

KHEMMERLE K. *Sluzhba Velikomu domu: zhenskii patriotizm voennogo vremeni v Avstrii* [Serving the Great House: Women wartime patriotism in Austria] // Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny: sbornik statei / Pod red. K. A. Tarasova [Patriotic cultures during the First World War, ed. by K. A. Tarasov. In Russ.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 93–115.

KIN D. D. *Kul'tura patriotizma v Soedinennykh Shtatakh vremen Pervoi mirovoi voiny* [Patriotic culture in the United States during the First Word War] // Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny: sbornik statei / Pod red. K. A. Tarasova [Patriotic cultures during the First World War, ed. by K. A. Tarasov. In Russ.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 255–287.

KORNUOLL M. *Grazhdanskii patriotizm i boevoi dukh v Avstro-Vengrii voennogo vremeni: metody otsenki* [Civil patriotism and fighting spirit in wartime Austro-Hungary: Assessment techniques] // Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny: sbornik statei / Pod red. K. A. Tarasova [Patriotic cultures during the First World War, ed. by K. A. Tarasov. In Russ.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 69–92.

LUK'YANOV M. N. *Germanofiliya, germanofobiya i patriotizm: metamorfozy rossiiskikh konservatorov, iyul' 1914 g. — fevral' 1917 g.* [Germanophilia, Germanophobia and patriotism: Metamorphoses of the Russian conservatives, July 1914 — February 1917] // Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny: sbornik statei / Pod red. K. A. Tarasova [Patriotic cultures during the First World War, ed. by K. A. Tarasov. In Russ.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 52–68.

PENNELL C. *A Kingdom United. Popular responses to the outbreak of the First World War in Britain and Ireland*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

PERSEGL' P. *Granitsy patriotizma. Geografiya i etika mobilizatsii vo Frantsii v period Pervoi mirovoi voiny* [Limits of patriotism. Geography and ethics of mobilization in France during the First World War] // Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny: sbornik statei / Pod red. K. A. Tarasova [Patriotic cultures during the First World War, ed. by K. A. Tarasov. In Russ.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 226–254.

RAIKHARDT S. *Natsionalizm, Pervaya mirovaya voina i vozniknovenie fashizma v Italii* [Nationalism, the First World War and the emergence of fascism in Italy] // Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny: sbornik statei / Pod red. K. A. Tarasova [Patriotic cultures during the First World War, ed. by K. A. Tarasov. In Russ.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 288–298.

SERGEEV E. Y. *Imperskii patriotizm i kampaniya bor'by s "nemetskim zasil'em" v Rossii 1914–1917 gg.* [Imperial patriotism and a campaign against 'the German strangle' in Russia, 1914–1917] // Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny: sbornik statei / Pod red. K. A. Tarasova [Patriotic cultures during the First World War, ed. by K. A. Tarasov. In Russ.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 39–51.

SKHAPDREIVER S. de. *Molodym zdes' ne mesto: patriotizm i ego paradoksy v okkupirovannoi nemtsami Bel'gii v 1914–1918 gg.* [No place for the young: Patriotism and its paradoxes in the German-occupied Belgium in 1914–1918] // Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny: sbornik statei / Pod red. K. A. Tarasova. [Patriotic cultures during the First World War, ed. by K. A. Tarasov. In Russ.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 161–183.

STRECHEN KH. *Kul'tury patriotizma v Evrope vremen Pervoi mirovoi voiny* [Patriotic cultures in Europe during the First World War] // Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny: sbornik statei / Pod red. K. A. Tarasova [Patriotic cultures during the First World War, ed. by K. A. Tarasov. In Russ.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 12–38.

UIKS T. *Sorevnuyushchiesya patriotizmy: Vil'nyus mezhdu polyakami, evreyami, russkimi i litovtsami, 1914–1922 gg.* [Competing patriotisms: Vilnius between Poles, Jews, Russians, and Lithuanians, 1914–1922] // Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny: sbornik statei / Pod red. K. A. Tarasova [Patriotic cultures during the First World War, ed. by K. A. Tarasov. In Russ.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 140–160.

VERHEY J. *The spirit of 1914: Militarism, myth and mobilization in Germany*. New York: Cambridge University Press, 2000.

ZAYARNYUK A. *Natsional'noe osvobozhdenie i grazhdanstvo v imperii: galitskie ukraintsy v Pervoi mirovoi voine* [National liberation and citizenship in the empire: Galician Ukrainians in the First World War] // Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny: sbornik statei / Pod red. K. A. Tarasova [Patriotic cultures during the First World War, ed. by K. A. Tarasov. In Russ.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 204–225.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Н. В. Юдин. Мобилизация культуры или культура мобилизации? Рецензия на сборник статей: Культуры патриотизма в период Первой мировой войны / Под ред. К. А. Тарасова. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020 // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2. С. 225–239

Аннотация: Данная рецензия посвящена не совсем обычной книге, опубликованной в 2020 г. Речь идет о сборнике статей, подготовленных по итогам конференции "Patriotic Cultures during the First World War", проходившей в Европейском университете в Санкт-Петербурге в далеком 2014 г. Таким образом, от даты конференции выход в свет данного сборника отделяют долгие шесть лет. Не потеряли ли за это время авторские исследования научной ценности, представляют ли они по-прежнему интерес для читателя? В данной рецензии предпринимается попытка ответить на эти и другие вопросы, которые возникают при знакомстве с рассматриваемой книгой. Главный вывод, к которому приходит рецензент, заключается в том, что за время подготовки сборника включенные в него статьи не только

не потеряли актуальности и научной новизны, но и, наоборот, приобрели дополнительное достоинство, сразу превратившись в специфический историографический феномен. Собранные в книге статьи представляют своеобразный, но достаточно показательный срез мнений, взглядов и оценок, типичных для современной отечественной и зарубежной историографии Первой мировой войны вообще и исследований общественных настроений в этот период в частности. В этой связи рецензент подробно комментирует образ «культур патриотизма», который был вынесен на первый план в названии сборника и который задает общую теоретическую рамку для включенных в него исследований. Отмечается, что, хотя этот образ позволяет снять целый ряд вопросов к структуре сборника и придать его содержанию большую концептуальную завершенность, его конкретное наполнение и особенности использования в рецензируемой работе вызывают ряд критических замечаний. В частности, отмечается, что авторы сборника зачастую склонны приравнивать культуру к пропаганде и переживаниям представителей высших слоев общества, а содержание патриотизма — к пропагандистским нарративам. В результате, несмотря на большое разнообразие тематических и страновых кейсов, представленные работы отличаются достаточно узким, элитистским подходом к трактовке феномена патриотических культур в воюющих обществах. Рецензент объясняет этот парадокс влиянием современной интеллектуальной моды и историографических традиций изучения общественных настроений в годы Первой мировой войны, ярким выражением которых и является рассматриваемая работа. Указанные замечания нисколько не портят впечатления от знакомства с представленными исследованиями, все они выполнены на очень высоком профессиональном уровне и будут, безусловно, интересны всем специалистам по данной проблематике; скорее они призваны поставить вопрос — не пора ли двинуться дальше?

Ключевые слова: Первая мировая война, общественное мнение, патриотизм, культура, пропаганда, политика памяти, национализм.

FOR CITATION

Nikolay V. Yudin. Mobilization of culture or culture of mobilization? Book review of "Patriotic Cultures during the First World War", ed. by K. A. Tarasov. St. Petersburg: EUSP Press, 2020 // Petersburg historical journal, no. 2, 2021, pp. 225–239

Abstract: The review examines a rather unusual book — a collection of articles prepared as a follow-up to the "Patriotic Cultures during the First World War" conference hosted by the European University at St. Petersburg back in 2014. Six years separate the publication of the book from the actual date of the conference. Has this book managed to maintain its academic value, are the articles still of any interest to the reader? The review attempts to answer these and other questions raised by this book. The main conclusion of the review is that not only all the articles under consideration do manage to preserve their relevance and novelty, but taken together gained added significance as a historiographic phenomenon in its own right. This collection of articles represents a unique but at the same time a representative sample, illustrating views and conceptual approaches, typical for both Russian and Western historiography of the First World War in general and for the studies of public sentiments during the war in particular. In that context the reviewer examines the concept of "patriotic cultures", which is not only placed first in the title of the book, but also provides theoretical framework for all the articles. The reviewer emphasizes that although this concept helps to solve a number of issues related to the structure of the book and enhances its overall conceptual coherence, the concrete content and the application of this concept raise some criticism. In particular, the reviewer notes that the authors tend to equate culture to propaganda and experiences of the members of high levels of society and patriotism to propaganda narratives. As a result, despite the diversity of thematic and country cases the reviewed articles demonstrate a rather narrow, elitist understanding of the patriotic culture. The reviewer attributes this paradox to the contemporary intellectual fashion and historiographic traditions in the studies of public sentiments during the First World War, a vivid example of which is this book. All these remarks, however, by no means mar the general impression of the book. All its articles are carried out with great professionalism and will undoubtedly be of interest to all experts on this matter. Rather, this review calls the researchers of the phenomenon of patriotic enthusiasm during the First World War to make a new step and to broaden the focus of their debate.

Key words: First World War, public opinion, patriotism, culture, propaganda, politics of memory, nationalism.

Автор: **Юдин, Николай Вадимович** — к. и. н., доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики, заместитель директора по исследованиям и разработкам Центра проблем безопасности и развития факультета мировой политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Author: **Nikolay V. Yudin** — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Process, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Deputy Director for Research and Development, Center for Security and Development Studies.

E-mail: yunick@fmp.msu.ru